

Он вспомнит, чтобы стать собой.
Она умрет, чтобы выжить.

ТО, ЧЕГО НЕТ

АРИАДНА ФАЛЬК

18+

Ариадна Фальк

То, чего нет

«Автор»

2026

Фальк А.

То, чего нет / А. Фальк — «Автор», 2026

Бывший военный полицейский потерял память после лечения от ПТСР. Он избавился от травмы — но забыл, что с ним случилось. Его сны полны кошмаров о женщине, которая его вылечила. Он уверен: она мертва. И он причастен к её смерти. На молодую художницу свалилось неожиданное наследство: дорогая квартира, ради которой ее готовы убить. Чудом ей удастся ускользнуть от убийц, но цена будет высокой. Он начинает собственное расследование. Она пытается выжить. Их пути пересекутся. Узнать правду — их единственный шанс спастись.

© Фальк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ариадна Фальк

То, чего нет

Пролог

– Не подходите, – говорю я и не узнаю свой голос. Он больше не дрожит.

Он тоже это почувствовал и остановился. Тянет ко мне руки, одновременно меня выражение лица: с холодного и сосредоточенного на доброжелательно-заискивающее. Так смотрят на капризного ребеночка, схватившего опасную игрушку. Так и есть: я держу оружие.

– Поговорим как разумные люди, – увещающий тон и через секунду бросок вперед. Мужчина на полу успевает вытянуть ногу, и он не успевает меня схватить. Мой палец жмет на спусковой крючок. Отдача едва не отрывает руку. Я попала в цель: он вскрикивает и мешком валится на ковер.

В зеркале я вижу свое отражение. Кто эта женщина с твердо сжатыми губами и холодным взглядом? Ее руки не дрожат. Она ничего не чувствует. Разве что грохот выстрела, отдающийся в голове.

Он лежит на паркете, и темное, вязкое озеро медленно ползет из-за его спины к ножке дивана. Он шепчет:

– Помоги... Вызови скорую...

Потом он умолкает и замирает. Я смотрю на него без страха, с любопытством. Наверно, я должна что-то чувствовать – ужас, отчаяние, отвращение или торжество. Как подобает ситуации. Но внутри меня пустота, а слышу я только тишину. Пустота и тишина, окончательные и бесповоротные.

Лужа крови течет к моим туфлям, отступаю, чтобы не запачкать их. Кожаные зимние кроссовки, его подарок. Часть моего сценического костюма. Но сейчас конец фильма, и мне пора уходить. Я наконец свободна. Осталось переодеться, снять грим и уйти.

Я неторопливо иду в ванную, умываюсь и мою руки. Протираю полотенцем ручку входной двери, забираю пистолет и кассету с записью. Больше ничего. Заглядываю в гардероб, выбираю мужскую куртку с капюшоном и темную шапку-бини. Заправляю под нее волосы.

Перед тем как уйти, бросаю в комнату последний взгляд и вдыхаю ее запахи. Моя свобода пахнет не морем, не ветром. Она пахнет пороховой гарью, мылом и дорогим коньяком. Когда он бросился ко мне, чтобы схватить, рюмка упала со стола, расплескав коньяк.

Второй мужчина лежит на том же ковре. Он спас мне жизнь. Тот, кого я убила, пытался сначала прикончить его, а потом меня. Но что-то пошло не так. Мы победили. Я говорю ему:

– Я позову кого-нибудь. Сейчас.

Последний взгляд в зеркало на эту новую женщину. Она свободна от него и от себя. Ее прежняя личность умерла благодаря тому, кого она застрелила. Мертва она и в глазах закона. У нее новое имя, и она будет жить свою новую, лучшую жизнь.

Я выхожу из комнаты, надеваю перчатки и открываю входную дверь, собираясь уходить. Второй мужчина затихает. Надо ему помочь. Я оставляю дверь открытой настежь, выхожу в подъезд и иду к лифту. Звуки выстрелов должны были перебудить соседей, но для верности я набираю в легкие побольше воздуха и кричу изо всех сил: «Помогите! Пожар!». Сажусь в лифт и еду вниз.

Влажный воздух тоже пахнет свободой. Кукла сорвалась с веревочек и убежала в ночь.

Я в черной куртке, накинув капюшон, растворяюсь в темноте, как призрак. А позади, в роскошной квартире с видом на Неву, остаются двое мужчин: один мертвый, другой – на грани. Это больше не мое дело.

Глава 1

Кира Марковна возвращалась домой, переполненная чувствами. За окном такси мелькали огни ночного города, которые она почти не замечала раньше. Но теперь в ее душе впервые за долгое время играла музыка. Она чувствовала себя моложе лет на 20, а то и на все 30. «И может быть, на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной», – вертелось в голове. Кира была женщиной ироничной и не склонной к восторгам, но все же чувство грело, разливалось теплом по венам, горячило прохладную кровь. Впервые за много лет у нее было самое настоящее свидание. Она, примерная жена чуть за пятьдесят, приняла ухаживания мужчины на 20 лет моложе ее.

Они были в кинотеатре на вечернем сеансе (идею похода в театр Кира не поддержала, боясь встретить знакомых). Как в юности, держались за руки, целовались и ласкали друг друга, как подростки. Он жил неподалеку и уговаривал Киру отправиться после сеанса напрямик к нему. Но это был бы перебор. Ей нравилось внимание Артура, нравилось быть желанной. В ее браке все это осталось в далеком прошлом. Они с мужем Ленечкой не ссорились, обсуждали текущие проблемы, обменивались мнениями, но настоящая близость ушла. Больше они не смеялись вместе, забыли, как понимать друг друга с полуслова. Она уже забыла, когда они вместе куда-то ходили, кроме как на дни рождения немногих близких друзей и родных.

Но останься она до утра в квартире Артура (а так бы и вышло, можно не сомневаться), Ленечка бы это точно заметил. Или нет? Может, он и недельного ее отсутствия не заметил бы? Его глаз замылился за годы брака, их прошлое счастье ушло.

– Приехали, – сказал таксист, остановив машину у подъезда.

Улица была пустой, свет в окнах жилого комплекса почти не горел. Кто-то уже спал, кто-то предавался пятничному разгулу. Расплатившись, она вошла в подъезд и поздоровалась с консьержем Борей, дремавшим вполглаза, как кот. Он мигом проснулся (если вообще спал) и тепло улыбнулся.

– Боря, я совсем забыла про рецепт. Завтра с утра, хорошо?

– Не беспокойтесь, Кира Марковна, я могу и в клинику зайти.

– Ну вот еще. Зачем ходить, когда мы тут рядом? Забыла, что сегодня твоя вахта. Ладно, до завтра.

– Спасибо. Спокойной ночи, Кира Марковна.

Боре было за сорок. Несколько лет он был кириным пациентом – тяжелый алкоголик, которого считали безнадежным. Пьянка, как корова языком, слизнула все, что у него было: работу, семью, квартиру, друзей... ну и так далее. Ни о чем потерянном он не переживал, хоть и испытывал некоторые неудобства. Кира наткнулась на него возле Московского вокзала, возвращаясь с дачи, где он спал в каком-то дворе на Лиговском проспекте, растолкала, вызвала такси и доставила в клинику. Он не особо сопротивлялся. Сначала Боря просто отъедался и спал, потом проявил беспокойство и попытался уйти: организм требовал алкоголя. Кира уговорила его остаться на месяц и попробовать новое лечение. То ли под воздействием лекарства, то ли под влиянием Киры Боря перестал рваться наружу, где никто его не ждал.

Документы при нем были. Паспорт, пенсионное удостоверение и военный билет. Из них следовало, что Боря военный пенсионер, несмотря на относительно молодой возраст, что долго был прописан в ведомственной квартире, из которой не так давно был выписан – видимо, в связи с увольнением. Было несколько временных регистраций – должно быть, снимал комнату или кто-то пускал его к себе.

Кира понимала, что вылечить его только для того, чтобы вернуть на улицу, глупо и жестоко. С тем же успехом она могла оставить Борю валяться на лавочке и пройти мимо. Она пристроила Борю консьержем: в их жилой комплекс как раз требовался консьерж-мужчина,

который и за порядком присмотрит, и по хозяйству, и за лифтами, и тревогу поднимет в случае чего. Спал он в комнатке консьержей, а кроме того, ему выделили небольшую каморку, дополнительно оформив дворником. Боря уважал Киру – может, понимал, что она его спасла. По крайней мере, ей хотелось так думать. Но что-то в глубине его карих глаз, всегда смотревших на нее с теплотой, говорило, что он принял ее помощь, как принял бы все, что поднесет ему судьба. Что на самом деле ему совершенно все равно, умрет он у вокзала или проживет еще в каморке дворника. Он почти ничего не рассказывал о себе. Но таблетки, прописанные Кирой, принимал регулярно, и пьяным она его больше не видела. Еще бы: она испробовала на нем инновационный метод лечения, когда не сработали все остальные. Если он продержится еще год-другой, можно будет писать научную статью.

Квартира встретила ее темнотой: видимо, муж уже спал. Киру это вполне устраивало, тем более спальни у них давно уже были отдельные.

Наскоро перекусив на кухне, она отправилась в душ и легла в постель голой, как делала это с юности. Шампанское, выпитое в буфете кинотеатра, почти выветрилось. Она попыталась представить рядом с собой Артура, его молодое тело, которое еще нескоро состарится. Неужели она поддастся поздней страсти, в омут с головой? А почему бы и нет? Возможно, тогда Ленечка посмотрит на нее другими глазами? Говорят, ревность освежает чувства. Но в глубине души Кира понимала: рефлекс павловской собаки, может, в муже и сработает, но все, что было между ними, умерло слишком давно, чтобы воскреснуть.

Кира была почти уверена, что муж ей изменяет. Наверно, ничего серьезного: просто при его профессии возможностей хоть отбавляй. Мужчине за пятьдесят надо подтверждать мужскую состоятельность, и непременно на стороне. Потом этот период пройдет, муж успокоится, и все войдет в свою колею. По крайней мере, так ей казалось. Женщины тянулись к нему, к ее Ленечке. Мягкий голос, доброе лицо, очки и золотые руки. Настоящий доктор Айболит. А уж если ты пластический хирург и вокруг тебя постоянно вьются дамы всех возрастов и сословий... В их глазах он бог, создатель их новой внешности, а значит, и новой судьбы. Проводник в лучшую жизнь. Когда он только пошел в пластическую хирургию из челюстно-лицевой, ему не хватало уверенности. Кира подбадривала его, говорила: ты даришь им другую жизнь, лучшую – дай им ненавязчиво это понять. Тогда Ленечка нуждался в ее поддержке, а женщине важно чувствовать себя нужной. Наверно, переборщила с этим, и теперь он смотрит на нее как на мамашу или сестру.

Их любовные игры, когда-то дававшие столько радости, примерно с год прекратились вообще. Да что там секс – Кира забыла, когда муж ее просто мимоходом обнимал или чмокал в щечку перед уходом. Он разговаривал с ней доброжелательно, но рассеянно, полностью уйдя в собственный мир, куда ей не было ходу. Другая женщина? Или он скрывает от нее что-то еще?

Кире вдруг показалось, что в квартире душно. Она вышла на балкон и открыла окно, едва не споткнувшись о складной пластиковый контейнер, который Леня притащил из клиники. «Для рыб, – сказал он. – Для каких-то особых рыб, которым нужна нельская вода». Она удивилась: какие рыбы могут жить в нельской воде? Крошечные карасики? Контейнер стоял уже неделю, пахло от него сыростью и чем-то чужим. Кира поморщилась и вернулась в комнату.

Кира до встречи с Артуром была верной женой. Работа Киры была сплошной прозой: ее пациентами были алкоголики и наркоманы, которые нуждались в медицинской помощи. Их не интересовали женщины вообще и Кира в частности. У них была другая страсть, и Кира это знала. Она тоже пыталась давать им новую жизнь, и радовалась от души, когда это получалось. И хотя пациенты у нее были самые разные, из всех мыслимых сословий и слоев, и некоторые пытались с ней заигрывать, она знала, что это несерьезно.

Кира любила семью. Мужа, до поры до времени, их дом, который они создавали вместе. Их общую жизнь. Правда, у них не было общих детей. Ленечка был вторым ее мужем. Лера, дочь от первого скоропалительного брака, отделилась от них еще в 14 лет, съехала к деду

с бабушкой. Сейчас она вполне самостоятельная, к матери относится с легкой прохладцей и навещает их только на дни рождения. Скорее всего, роман матери на стороне ее не очень огорчит, а возможно, даже обрадует. Скорее всего, Лера просто пожмет плечами. Ей не нравился новый муж матери, да и он не слишком жаловал падчерицу.

Время от времени она вспоминала, что даже толком не знает, кто этот Артур. Дней десять назад он подсел к ней в кофейне, куда она часто заглядывала после работы ради прекрасного кофе.

...Он присел за ее стол, не спросив разрешения, поставил на него свою чашку и открыл потрепанный скетчбук. Развернув его, он подтолкнул альбом к Кире. Сбитая с толку, она не сразу поняла, что от нее требуется, пока не взглянула на бумагу. На нее смотрел ее портрет, набросанный акриловыми маркерами. Она за столиком поднесла чашку к губам, выражение лица – усталое и слегка насмешливое. Сходство было впечатляющим. Кира растерянно спросила:

– Это... я? – Довольно глупо, ведь это было очевидно. – Ну да, я. Как вы это... Когда вы успели?

– Да прямо здесь и успел. Вы пьете уже вторую чашку, времени хватило. Нравится?

Кира молча подняла большой палец вверх.

– Почему я? – удивилась Кира.

– А почему нет? – он пожал плечами. – Лицо-то интересное.

Это было сказано будничным тоном, как говорят: «Время-то позднее», «погода-то дождливая». Констатация факта.

– Артур, – сказал он, протягивая руку.

– Кира, – отозвалась она.

Внешность Артура можно было бы назвать безупречной, если бы не сломанный нос, который сросся криво, и смешно оттопыренные уши. Синие глаза и темные волнистые волосы, слегка похож на Габриэля Бирна. Когда они встали из-за столика, обнаружилось, что он намного выше ее, и фигура что надо.

Так они и стали встречаться. Гуляли по городу, заглядывали в кафе. Он рассказывал, что в его работе нет ничего интересного, но она хорошо оплачивается и оставляет свободное время для «художеств», как он выражался. У него есть свои страницы в разных сетях, где он постит свои картинки, но комментарии читать давно перестал. Иногда ему заказывают портреты или обложки для книг. Он часто говорил Кире, что с удовольствием нарисовал бы ее портрет маслом. Ну или акрилом.

На третьей встрече Кира сказала, перейдя на ты:

– Все медики бесстыжие. И я, как медик, спрошу прямо: чего ты хочешь от женщины в годах?

– Тебя, конечно, – ответил Артур своим будничным тоном, будто его спросили, какое вино он предпочитает. – Пойдем-ка ко мне.

Его маленькая квартира была чистой и уютной. В ней чувствовался армейский порядок, но не женская рука, и это Киру радовало – непонятно почему. Ведь не строит же она, в самом деле, планов на будущее с человеком лет на 20 моложе ее. Пусть он останется приключением на склоне лет. Они не говорили ни о прошлом, ни о будущем: только здесь и сейчас. С ним она чувствует себя как в двадцать, а «остальное стоит полкопейки».

На работе заметили перемены.

– Ты прямо светишься, – сказала ей подруга Тома. – Любовник? Чего краснеешь? Ага, в точку! Кто он? – Она помрачнела. – Надеюсь, не наш пациент?

– Боже упаси. Молодой художник, познакомились в кафе.

– Насколько молодой?

– Лет тридцать-сорок.

Тома заулыбалась.

– То, что надо. Тебя он преобразил, выглядишь – просто пушка! Полный апгрейд... Твой Ленечка заметил, как ты цветешь?

Вопрос почему-то испортил Кире настроение. Ленечке было все равно. В глубине души у нее теплилась надежда, что муж начнет ревновать и поймет, как был глуп, когда не замечал ее. А теперь у него соперник лет эдак на 20 моложе. Произойдет бурное объяснение, возможно, какая-нибудь сцена с криками и скрежетом зубным – а потом все у них пойдет как прежде. Сколько фильмов об этом снято? Но пока что ничего подобного не происходило.

Кира вздохнула.

– Ничего он не заметил. Он не заметит, даже если я приду домой через неделю, с побри-той головой, босиком и в пальто наизнанку.

От Тома не укрылась нотка боли в голосе Киры.

– Ну что ты, подруга? Наслаждайся моментом и забудь обо всем. Только не теряй голову.

Вскоре Кира должна была уйти в отпуск. Она думала, что встречаться с Артуром в отпуске будет сложнее: на работе можно задержаться или поменяться сменами. Если ее целый день не будет дома, когда она в отпуске, муж спросит хотя бы из любопытства, где она была. И придется что-то врать, чего она не любила и не умела. А спросит ли? В глазах мужа она пустое место, и с любовником, и без.

Узнав об отпуске, Артур сказал:

– Может, съездим куда-нибудь вместе? На Балканы, а? В Албанию, там Адриатика. В Болгарию...

Взгляд его затуманился. Кира поняла: он уже представил, как упругая соленая вода плещется у самых его ног.

Кира давно не была за границей. Идея о поездке ей понравилась. Смена обстановки, не придется прятаться от знакомых...

– В целом поддерживаю, – задумчиво сказала она. – Но туда нужны визы. И у меня истек загранпаспорт.

– Так поторопись. Оформи биометрический, сейчас с пятилетним могут быть проблемы.

– А у тебя-то самого с паспортом все в порядке?

– В полном. – Он улыбнулся. – Как оформишь, возьмем билеты. Я пока посмотрю отели.

Кира представила себя у моря с Артуром. До чего странно: ей проще попасть на море с красавчиком почти вдвое моложе ее, чем с собственным мужем. Надо поставить его в известность за несколько дней до отъезда. Или просто оставить записку – «Уехала в отпуск, не жди», или типа того. Как он отреагирует – рассердится, удивится, обрадуется? Пожмет плечами? Да какая теперь разница...

Отношение Киры к Лене изменилось, когда она случайно обнаружила у него в ноутбуке письмо. Это было за несколько месяцев до встречи с Артуром.

Как-то раз Леня ушел, оставив крышку ноутбука открытой. Кира дотронулась до нее, чтобы закрыть, и компьютер ожил. На экране висел текст письма на английском – от клиники пластической хирургии в Лондоне.

«Дорогой сэр,

Рады вам сообщить, что ваша кандидатура на позицию хирурга одобрена главным врачом клиники и вашими коллегами. Мы готовы предложить вам годовой оклад в 300 тыс. фунтов и оплачиваемое жилье для вас и членов вашей семьи с начала следующего года. Сообщите нам, пожалуйста, состав семьи и пришлите их отсканированные документы, чтобы мы могли оформить приглашение и визу».

Первой реакцией Киры была радость. Клиника в Лондоне – это другой уровень, следующая ступень в карьере, да еще какая! Даже если он заключит контракт на год и потом не продлит, здесь с таким опытом его возьмут в любую клинику. Или он заработает в Лондоне

и откроет собственную клинику в Питере. А может, и она пройдет какие-нибудь курсы повышения квалификации и сможет поработать в английской медицине? Это снова их сблизит: два иностранца в чужой стране, с общими проблемами и целями, как давным-давно, когда их роман только начинался.

Кира совсем было замечталась, когда увидела, что письмо из лондонской клиники не было первым. Вверху во входящих она увидела еще четыре письма, первое из которых он получил еще год назад. Почему Леня ничего ей не сказал? Не планирует брать ее с собой? «Не планирует, вот именно, – хихикнув, сообщил ей внутренний голос. – Он планирует уйти по-английски, в буквальном смысле. В Лондон».

Кира плотно сжала губы. Ладно. Она не будет устраивать сцен, даст ему время сообщить ей потрясающую новость. Будет наблюдать. Она лихорадочно рылась в его почтовом ящике, из которого он забыл выйти – когда еще представится такая возможность? Ей даже не было неловко. Ничего особенного она не нашла: письма старых друзей, письма от нее, поздравления с праздниками, какие-то письма с вложениями с работы... Она залезла в учетную запись и увидела, что у ее Ленечки есть вторая почта, резервный адрес на случай взлома. Кира попробовала войти во второй ящик – ничего не вышло. Она набирала буквы и даты в разных комбинациях, пытаясь подобрать к нему пароль, – день рождения, номер паспорта, имена, любимые словечки. Это ничего не дало. Кира выключила ноутбук. Леня не должен знать, что она рылась в его почте и видела письмо.

После этого ничего не происходило. Леня, ее муж, тихий ласковый увалень с добрыми глазами, если и не изменяет ей, то ведет жизнь, о которой Кира ничего не знает. Но она попытается узнать. Может, просто спросить его? Сказать, что она случайно увидела письмо, изобразить радость, поинтересоваться, почему он так долго молчал? Тогда он вынужден будет взять ее с собой. Но что-то мешало ей это сделать. Кира думала, не проследить ли за мужем, чтобы понять, что именно он скрывает. Она отменила и эту идею: уже полгода, как секс между ними практически прекратился. Он мягко отстранялся, когда Кира пыталась его обнять, а в кровати бубнил, что устал на работе и хочет спать. Зачем убеждаться в том, что и так очевидно? А потом появился Артур.

Незадолго до встречи с Артуром Кира не выдержала. Она приперла Леню к стенке, напрямую спросив о Лондонской клинике. Обычно спокойный, увалень Леня побелел от гнева.

– Ты рылась в моей почте? – спросил он.

– Ты скрыл от меня, что едешь в Лондон? Меня, как понимаю, брать с собой не соби-
рался? Ну так у меня для тебя новость: я еду с тобой.

– Я еду один, – медленно сказал он. – И да, тебя с собой я брать не собираюсь. Это не обсуждается. Хотел уйти по-английски, но ты полезла в почту. И теперь надо вести бессмысленные разговоры и выяснять отношения, которых нет. Давай просто разведемся – и все.

Кира прищурилась.

– Я еду с тобой, – спокойно сказала она. – Может, и разведемся, да. Где-нибудь через год. В Лондоне. Можешь, конечно, ехать без меня. Но сначала вспомни о своем длинном языке. Ты кое-что мне выболтал, и я молчать не стану.

Это была пустая угроза. Кира не стала бы ему вредить. Ей и Лондон-то не очень был нужен. Просто хотелось дать сдачи. Но она видела, что он испугался, хотя и выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

Да, она отправится на Балканы с Артуром. И не только оформит загранпаспорт, но и снимет деньги с их общего с мужем счета. Пусть знает, каково это – понять, что ты совсем не знаешь человека, с которым живешь.

Глава 2

Леонид принимал посетительниц. В основном это были женщины, хотя встречались и мужчины, обычно актеры или модели. Он оперировал два дня, а следующие два дня принимал желающих улучшить свою внешность, а заодно и судьбу. Сам он в улучшение судьбы не очень верил, а поговорку «Не родись красивой» вспоминал постоянно. Конечно, если человек вбил себе в голову, что все его несчастья из-за длинного носа или оттопыренных ушей, то чувствовать себя после пластики он точно будет лучше, несмотря на похудевший кошелек. И многие действительно менялись не только внешне, но и внутренне. Но были и другие пациенты. Спустя год-полтора они приходили с новыми проблемами. Нос идеален, но надо подправить веки (сделать круговую подтяжку, убрать комки Биша и так далее). Там убавить, здесь подправить – и так до бесконечности. Они подсаживались на пластику. Все хотели быть похожими на звезд, но в итоге становились одинаковыми, будто сошедшими с конвейера: пухлые губки, большие глазки, высокие скулы, маленький изящный носик. Прекрасные сестры по пластике. Уму непостижимо, почему они так не хотят быть собой.

Да какая разница? Разве это не его хлеб? В начале своей карьеры пластического хирурга Леонид был настолько наивен, что пытался отговаривать некоторых от операции. Потом понял: не он, так другой хирург, а ему нужна практика. Кроме того, свою работу он любил. И далеко не все его клиентки были пустоголовыми куклами.

Леонид радовался, когда под его рукой исчезали страшные последствия ожогов, автомобильных аварий, огромных невусов, врожденных уродств и травм. Когда из изуродованной оболочки показывалось настоящее лицо человека, о котором не подозревал даже сам этот человек. Когда сходили послеоперационные отеки, такие люди подолгу рассматривали себя в зеркале, не веря своим глазам, привыкая к своему новому обличью. Он знал, что порой это привыкание длится долгие месяцы, будто человек никак не может осознать до конца, что же с ним произошло, не может поверить, что их главное несчастье исчезло.

Леонид ощущал себя добрым волшебником. Этих людей заколдовали, а он смог разрушить злые чары. Правда, не все радовались: кое-кто чувствовал опустошенность. Главное несчастье прочно срослось с их жизнью. Когда мечта сбывалась, и оно вдруг исчезало, некоторые пациенты не понимали, как жить дальше. На этот случай в клинике были два штатных психолога, которые учили людей, как им жить с новым лицом.

– Доктор, так вы согласны? – Перед Леонидом сидела стареющая красавица под шестьдесят. Он уже делал ей подтяжку (весьма удачно), подправил скулы, поработал над веками. Но эликсира вечной молодости у него не было. Шея и руки соответствовали возрасту, как ни крути. Теперь она хотела поработать над ушами – мочки выглядели увядающими, слишком крупными и отвисшими. А какими им быть у женщины на шестом десятке? У его жены Киры они выглядят так же. Интересно, как бы выглядела Кира, поработай он над ней скальпелем? В принципе есть где разгуляться, есть что подправить... да уж.

Он вздохнул.

– Конечно, как я могу вам отказать? Но, по-моему, вы и без того прекрасно выглядите.

– Вашими стараниями, Леонид Михайлович. Я принесла фотографию: посмотрите, какими они должны быть, – она вынула из сумочки фотографию и легким толчком изящных пальцев, где уже намечались артрозные шишки, отправила по столу в его направлении. Он увидел девушку во всем блеске красоты и юности. «Ну и что ты хочешь, – думал он, – я что, господь бог? Ты не будешь снова юной, как ни крути». Раздражение смешивалось с печалью. Но ему нравилось думать, что она считает его волшебником. Он долго всматривался в фото, невольно залюбовавшись. Потом сказал:

– Задача ясна. Фото, с вашего позволения, я оставляю.

Насчет фото он просто напускал туману. Пусть думает, что он, сверяясь с фото, слепит какую-то мастер-модель или использует его в алхимическом процессе. На ее тревожном лице расцвела улыбка. Женщина радостно попрощалась и ушла.

Следующая посетительница его озадачила. Ей было лет тридцать-сорок, но то ли годы эти не были легкими, то ли что-то случилось с ней совсем недавно. Леня научился читать по лицам не хуже психологов или гадалок. Напряженная маска: плотно сжатые губы, чуть сощуренные глаза, обведенные темными кругами. Тонус кожи хороший, ни о каких подтяжках речи не идет. Правильные черты лица. Будь ей лет на 5–10 меньше, он бы предположил, что она попросит «скулы как у Джоли» или «губы как у Моника Белуччи». Нос распух, глаз начинает заплывать. Леонид был слегка сбит с толку исходящим от нее напряжением, не имевшим ничего общего с волнением девчонок, впервые пришедших на пластику. Эта женщина явно не хотела нравиться мужчинам, а если и хотела, то хорошо это скрывала. Одетая так, будто вышла в магазин за продуктами, а не готовилась к визиту в дорожную клинику.

– Добрый день, – улыбнулся Леонид. – Что привело вас сюда? По-моему, ваша внешность не нуждается в улучшении.

Он говорил это всем, кроме травмированных.

Женщина слегка прочистила горло, но первые слова все равно прозвучали хрипло.

– Я пришла проконсультироваться, – сказала она неуверенно. – Я еще не готова... изменять себя. Хочу уточнить кое-что.

Он разглядывал ее с любопытством. Профессия позволяла это делать: глазеть на женщину без всякого стеснения. «С деньгами-то у тебя не очень, – думал он, моментально оценив одежду, сумочку, обувь. Волосы просто забраны в пучок, никакой косметики. – По крайней мере, во внешность ты точно не вкладываешься. Так зачем ты пришла? Ты не наша клиентка».

Сумасшедшие к нему тоже приходили. Одна просила сделать из нее лису, другая – Райана Гослинга, в которого была влюблена. Став похожей на Гослинга как две капли воды, она бы каждый день видела в зеркале любимое лицо. Были и другие, всех не упомнишь. Эта непохожа на них. Чем-то она неуловимо напоминала его жену Киру, но лет на 15 моложе. Наверно, Кира бы так выглядела лет в 40, если бы судьба с самого начала сдала ей карты похуже.

– Слушаю вас, продолжайте, – подбодрил он женщину. — Консультации у нас бесплатны.

Она заметно расслабилась. Да, операция ей явно не по карману, если простая консультация вызывает такое напряжение.

– Скажите, пожалуйста, можно ли... можете ли вы изменить внешность? Вот мою, например.

Леонид ободряюще улыбнулся: мол, давай, продолжай. На лице тональный крем. Под глазом и на носу намазано гуще, чем в других местах, но видно, как под тонером расплывается гематома.

– Этим мы и занимаемся. Чего вы конкретно хотите?

– Стать неузнаваемой. Выглядеть как другой человек. Не так, чтобы мне говорили: «о, как ты помолодела, похорошела, да тебя не узнать!» Ведь узнали же. А я хочу, чтобы не узнали. Совсем. Пройти мимо. Как я при этом буду выглядеть – неважно. Красота значения не имеет. Такое возможно?

Леонид озадаченно поскреб в затылке. Его озадачила не столько просьба, сколько то, что говорила она в нос, как будто он у нее сильно заложен.

– Теоретически – да. Может, не за одну операцию, а за несколько. А может, и сразу. Как вы хотите выглядеть?

Она собралась с мыслями.

– По-другому, вот и все. Как не я.

– Похоже, ваша проблема – не косметического характера. Вы уверены, что пришли по адресу? Может, вам того... в полицию? Вас кто-то преследует? От кого вы хотите скрыться?

Она помедлила.

– Пока я просто консультируюсь. Правильно ли я поняла, что с помощью пластики можно стать совершенно неузнаваемой?

Леонид пожал плечами.

– Если за красотой вы не гонитесь, то можно. Но все это... странно и неудобно. Да и с документами осложнения возникнут: на фото в паспорте одна женщина, а предъявляет его другая. К примеру. Если вы работаете, придется объяснять коллегам, кто вы такая и почему так изменились. У соседей возникнет вопрос, что вы делаете в чужой квартире и откуда вас ключ. Короче, все время придется доказывать, что вы – это вы.

«Господи, зачем я ей это говорю? Кому нужен этот пустой разговор?», – думал Леонид, не забывая улыбаться. – У нее же сломан нос, это видно».

Она улыбнулась.

– Не придется.

– Неужели можно стать настолько... неузнаваемой? – В голосе появилась надежда.

– Если нет каких-то конкретных требований, то да. Если желаете стать в точности как Ирина Шейк или Моника Белуччи – не уверен. А вы готовы стать старше, менее... ммм... красивой или даже с дефектом внешности, лишь бы не узнали?

– Именно этого я и хочу.

– А как насчет осложнений? Тех, о которых я упомянул?

Она только поморщилась: мол, ерунда.

– Сколько это будет стоить? А восстанавливаться долго?

– Смотря что придется менять. Риносептопластика с остеотомией... Изменение формы лица, коррекция носа, надбровных дуг. Подтяжка вам не нужна, блефаропластика тоже, но можно изменить разрез глаз. В любом случае дорого. Тысяч в пятьсот, думаю, выльется.

Она задумалась, что-то прикидывая.

– А если я рассчитаюсь с вами лично? Мимо кассы? Клиника ведь берет себе процент?

Леонид фыркнул.

– Мимо кассы! Вы не в парикмахерской, а в клинике. Вам потребуется наркоз, операционный стол, стерильность. И даже в клинике что-то может пойти не так. А оперировать вне клиники – просто безумие. Почему вы так хотите стать другой? Что-то натворили? Кого-то ограбили, убили? Кто за вами гонится?

Женщина покачала головой, в ее глазах был страх.

– Нет-нет, ничего такого. Могу принести справку из МВД об отсутствии судимостей. С законом проблем нет. Просто хочу... спрятаться. Понимаете, у нас тяжба квартирная... И отчим выживает меня из дома.

Она хотела сказать что-то еще, но запнулась. Он видел, что женщина сдерживается изо всех сил, чтобы не расплакаться. Ему казалось, что она просто тянет время, а темы для разговора постепенно изживают себя.

– У вас сломан нос, – сказал он. – Давайте закончим этот бессмысленный разговор. Вы пришли не за этим. Позвольте мне вас осмотреть. Потом, если хотите, я отвезу вас в полицию. Сюда ее лучше не вызывать.

Он подошел к креслу, где она сидела, и подал ей руку. Женщина встала и неуверенно оперлась на нее, пошатнувшись. Вид у нее был потерянный. Возможно, и сотрясение.

Он уложил посетительницу на кушетку, облачился в халат, взял бутылку со спиртом, вату и бинты. Осторожно протер ей нос, обработал его внутри и снаружи. Положил под глаз смоченный бинт. И тут увидел кровь на простыне возле ее плеча. Этого только не хватало! Кровавое пятно расплзлось все шире, а лицо женщины посерело.

Леонид приподнял незнакомку и решительно содрал с нее свитер. Из-под комка бумаги сочилась кровь. Глаза ее внезапно закатились – обморок, понял он. Ну и пусть полежит без сознания, так он быстрее управится.

Матерясь вполголоса, он вытащил пинцетом ключья бумаги в подложенное под руку судно, промыл рану перекисью, быстро наложил швы и повязку. Подумал и сделал укол седативного препарата. Пусть поспит немного, пока он решит, что с ней делать. Оставив неожиданную пациентку в соседней с приемной комнате, он продолжил прием. Она все равно будет спать еще пару-тройку часов.

Так и вышло. Когда странная пациентка очнулась, было около 9 вечера. Прием уже закончился. Леонид с полчаса сидел рядом с ней, изучая ее лицо, которое притягивало его как магнитом. Он напряженно думал.

Женщина очнулась и тут же попыталась вскочить с кушетки, но ее качнуло. Если бы Леонид не подхватил ее, она бы упала. Она села на кушетку. Было видно, что она борется с головокружением.

– Спасибо, – прошептала она. – Мне нужно идти.

– Никуда вы не пойдете. У вас сотрясение мозга. Болит голова?

– Да, не то слово. Можно таблетку?

– Ложитесь, я сделаю вам укол.

После укола ее лицо слегка порозовело, а взгляд прояснился.

– Послушайте меня, – сказал Леонид. – У вас повреждена мышца предплечья, я ее зашил. Нужно наблюдать за раной, обрабатывать ее и принимать антибиотики. Чем вы ее затыкали, туалетной бумагой? Запросто может быть сепсис. Я пока оставлю вас здесь на ночь, а завтра вы решите, что вам делать. Сам я уйду домой, а вас запру. Никто сюда не войдет до утра, ни уборщица, ни другой персонал. Утром, часов в восемь, я вернусь, и мы поговорим. Скоро вы заснете крепким сном и не проснетесь до моего возвращения.

Женщина хотела что-то сказать, но он видел, как сон расплзается по ее телу, полностью подчиняя себе. Вскоре глаза ее закрылись, дыхание стало ровным и глубоким. Она спала.

Леонид еще раз внимательно взгляделся в ее лицо, надел пальто и вышел, заперев за собой дверь. Дома, перед сном, он вспоминал лицо незнакомки и улыбался. Он знал, что кем бы она ни оказалась, она ему нужна. Точнее, они оба нужны друг другу.

Глава 3

Прошла неделя с тех пор, как Кира пообещала Боре рецепт. Она так и не отдала его в тот день. Забыла, видимо, а может, ей было некогда или уехала на дачу. Что ей какой-то консьерж? В последнее время она сильно изменилась: заблестели глаза, походка стала легкой, спина распрямилась, безликие наряды сменились другими, выгодно подчеркивающими достоинства фигуры. Наверно, ходит в фитнес-центр, чтобы не терять форму. Наверняка кто-то из молодых врачей мечтал бы занять ее место. Нельзя превращаться в бабушку, если не хочешь на пенсию.

Боря ничего этого не знал наверняка: просто заметил перемены и нашел им самое простое объяснение. В наркологическом отделении они беседовали часто и подолгу. Но когда Кира пристроила его консьержем, их встречи стали короче и проходили на ходу. Боря знал: если он обратится к Кире, она поможет. Она сама так сказала. Ведь он, можно сказать, был ее проектом, погибающим, которого она спасла со дна морского, а спасители отвечают за спасенных. Но изливать ему душу она бы не стала. Успешная женщина-нарколог, замужем за пластическим хирургом. Все-то у них хорошо. А если и не все, они и без Бори разберутся.

И все же что-то в этой новой Кире его беспокоило. Она стала... другая. Боря подумал, что скоро она совсем его забудет: ведь она решила его судьбу, вытащила из алкогольной пучины, в которой он тонул, нашла крышу над головой – и точка. Проект по спасению завершился. Когда Боря пошел на поправку и устроился на работу, Кира тоже была полна энергии – глаза горели, щеки румянились и все такое. Может, сейчас появился новый объект заботы? Она беседует с ним по вечерам, принимает участие в судьбе, может, подыскивает работу. Боря теперь может и сам стоять на ногах. В общем, так оно и было. Кира и Боря станцевали вместе один танец, а потом их пути разошлись. Надо радоваться и двигаться дальше, но почему-то Боря не мог. Тут что-то другое: не пациент, не работа. Роман на стороне?

Она слишком уж светится, думал Боря. Слишком уж радостная. За радость надо платить, уж он-то знал. А потом она и вовсе перестала попадаться ему на глаза, как будто избегала встреч. Может, не получается с рецептом?

Помаевшись, Боря решил навеститься в клинику. Не только из-за таблеток. Есть таблетки – хорошо, нет – можно и без них. Он беспокоился о Кире, хотя не мог понять, почему. Впервые за много лет Боря беспокоился о другом человеке. Ему просто надо убедиться, что с ней все в порядке. Не только из чувства благодарности, уж это точно. И он вовсе не был в нее влюблен, хотя и уважал. С ней было что-то связано. Он пил не переставая, и точно знал, что была на то причина. А теперь он не пьет, потому что причину забыл.

После встречи с Кирой он забыл, с чего начался запой. И пить больше не тянуло (дело небывалое). Ему бы радоваться, да что-то мешало. Что именно он забыл? Кира и какой-то ее знакомый, старичок с цепким взглядом, проводили с ним сеансы гипноза. Именно после них он однажды почувствовал странную легкость в голове, во всем теле, он совсем по-другому дышал, и впервые его мысли перестали вертеться вокруг бутылки. Он всегда знал, что долго служил в военной полиции, потом ушел на раннюю военную пенсию, его поперли из ведомственной квартиры... и все. Помнил сослуживцев, помнил почти все свои дела, и которыми гордился, и которых стыдился. Он мог бы поехать к матери, которая жила в Сочи, но та год как вышла замуж за хорошего человека, и он не хотел ей мешать. Мама знала про то, что его, как она выражалась, «понесло», и как могла пыталась помочь, но быстро поняла, что это бесполезно.

– Сам от дна оттолкнешься, когда упадешь на него, – сказала она ему и уехала в свой Сочи. Климат этого приморского города для пенсионеров идеален. – Я всегда рада тебя видеть, но трезвым. Будем жить втроем. Не думай, что у тебя никого нет и никто не поможет.

Боря знал, что мама всегда поможет, только рада будет. Когда он рассказал ей о своем выздоровлении, ее радости не было предела, а в голосе не было ни малейшего недоверия. Она знала: сын не врет. Если сказал, что больше не пьет, значит, так оно и есть.

Борис надел недавно купленный свитер и джинсы для выхода в люди и отправился в клинику. С порога он учуял запах казенного дома – запах хлорки, болезни и беды. Но Борю он не смущал. Старшая медсестра, полная добродушная женщина, узнала его и тепло поздоровалась.

– Тебя, Борюсик, не узнать. Совсем другой человек! Ты к нам какими судьбами?

– Здравствуйте, Нина Ивановна. Ищу Киру Марковну. Она сегодня на работе?

Нина Ивановна сморщила белесые бровки.

– Не видела ее. Вроде она в отпуск собиралась. Тамара на месте. Помнишь ее? Загляни в ординаторскую на втором этаже, спроси.

Тамара, подруга и коллега Киры, сидела в ординаторской в одиночестве и пила чай с лимоном. Увидев Бориса, она не удивилась.

– Привет, Борь. За рецептом небось? Кира предупреждала.

– Да... – Борис поскреб затылок, удивляясь, почему Кира не предупредила его самого. – Она хотела вынести его мне, да, видно, забыла. А где она сама?

Тамара показала на свободный стул.

– Присядь, Боря, давай попьем чайку. У меня и пряники есть.

Какое-то время они в молчании пили чай. У Тамары он был отменный, коллекционный, разных сортов с разных концов света.

– Отличный чай, – наконец нарушил паузу Боря. – Так что там с Кирой Марковной?

Тамара наклонилась поближе. Она единственная в больнице знала, что Кира пристроила Борю на работу и отогнала от него зеленого змия.

– У нас тут проверка, – полушепотом сообщила она. – Проверяют лекарства по спецназначению. Поговаривают, что каких-то препаратов не хватает. Рано или поздно все выяснится, конечно, у нас тут никто такими делами не занимается. Но Кира всегда так нервничает во время проверок... В этот раз решила уехать в отпуск. К ней любят цепляться.

Борис какое-то время переваривал сказанное.

– Это проверка так на нее повлияла? Выглядит моложе лет на 15. Похорошела, сменила прическу...

Тамара с удивлением посмотрела на него.

– Вот уж не думала, что ты заметишь!

Решила, что я безнадежный, подумал Боря.

– Я не слепой. Она уехала из города? Куда?

Тамара помолчала, наливая новую чашку себе и гостю.

– Только молчок, – наконец сказала она. – Говорю тебе, потому что беспокоюсь. Не знаю, с кем поделиться. Не со здешними же, и не с ее родней. – Тамара понизила голос почти до шепота. – У нее молодой любовник. Она сама мне сказала. В отпуск они уехали вместе. Куда-то за границу.

Борис помолчал. Мог бы и сам догадаться, раз не слепой. Объяснение было простым, но его беспокойство почему-то усилилось.

– Вы его видели? Знаете, кто он? – наконец спросил он.

– Видела их вместе в кафе, мимоходом. Она бы мне не сказала, но тут, как говорится, не отвертеться: поняла, что я их видела. Хотя я не подходила к ним. Красивый, молодой... между тридцатью и сорока.

Боря чуть не поперхнулся чаем.

– Сколько-сколько?

– Да-да, тридцать-сорок. Но и она помолодела, скажи? Любовь чудеса творит, Боря! И не скажешь, что в матери ему годится...

В голосе Тамары, помимо легкой женской зависти, Боря уловил нотки беспокойства.

– Это на нее не похоже? Роман на стороне? – Он сам удивился своему вопросу, но Тамара не возмутилась – какое, мол, ему дело.

– На Киру-то? Конечно, нет. Сто лет ее знаю, никогда не было ничего подобного, ни с ровесником, ни с юношей. Одно у нее было любимое, единственное и неповторимое существо – ее муж Ленечка. Нет у нее опыта в таких делах, так что юный Артур для нее – опасная история. Будет из нее веревки вить. Поздняя страсть – она такая. Пропадешь ни за грош. Хотя...

– Что хотя? – Боря уже все выяснил и слушал историю поздней страсти больше из вежливости, чем из любопытства.

– Если, конечно, он не орудие мести, – вдруг сказала Тамара.

Боря нахмурился.

– Мести? Кому?

– Сама не знаю, зачем тебе рассказываю... Мужу, конечно. Она узнала, что Ленечка собирается работать в английской клинике и уже подписал контракт. А ей не сказал ни слова. Значит, не собирается брать ее с собой. Не очень-то красиво с его стороны. А вскоре этот Артур подвернулся. Может, если бы все у них с Леной было в порядке, она бы на этого парня и не взглянула. А так хоть душу отвела, укатила с ним куда-то к морю.

– А муж знает, что она уехала не одна?

– Леонид? Конечно, знает, иначе что это за месть? Она сама ему сказала. Я звонила ему – он чуть не плачет. Говорит, хотел ей сюрприз сделать – год обхаживал эту клинику в Лондоне, чтобы его пригласили. Хотел ей сказать перед самым отъездом, но не успел. Он сам мне рассказал.

Боря сморщился, пытаясь понять.

– И муж ее отпустил?

«Да какая, блин, разница? Тебе-то что за дело? – шептал ему внутренний голос. – Какие-то бабьи дела...»

– Поставила его перед фактом. Позвонила откуда-то с морского побережья, отправила селфи с этим Артуром и все мужу высказала в видеосообщении. Представляешь? Сказала, что сняла деньги с их общего счета – он, мол, новые заработает в своем Лондоне. Вот почему он беспокоится, понимаешь?

– Из-за денег, что ли?

Тамара махнула рукой.

– Да не из-за денег. Хотя и из-за них тоже. Из-за того, что с ней может что-то случиться. Чего этот Артур ее обхаживал? Он моложе лет на двадцать. Наверняка и поездка была его идеей. Высосет деньги и бросит. А то и вовсе утопит в море, куда он так рвался. Ищи потом свищи. Туристка утонула.

Тамара вытащила из ящика бланк рецепта и начала его заполнять, пока Борис пытался переварить услышанное. Все это плохо вязалось с его представлением о Кире. Тамара, закончив писать, подняла глаза на Борю.

– Заключительный аккорд: незадолго до отъезда Леня сделал ей подтяжку лица и блефаропластику. Сказал, что это его лучшая работа. Он тогда еще не знал ничего. И с этим новым лицом и с общими деньгами она отправилась к морю с Артуром. Так-то вот, – и Тамара слегка улыбнулась.

Она не любит этого Леню, подумал Боря. Вроде бы сочувствует ему, но не любит.

– Так Лондон у него накрылся? – спросил Боря.

– Не знаю. В Лондоне его ждут с семьей, а что он может им сказать? Вот твой рецепт, – Тамара протянула ему бланк. – Закончится – я тебе новый выпишу.

– Так новый может и Кира выписать. Когда вернется. У нее тут работа, квартира, семья, а там что? Она ведь не увольнялась, нет?

Тамара вздохнула. Судя по выражению лица, она не была уверена в Кирином возвращении.

– Вообще-то не увольнялась. Надеюсь, что вернется. Но... нехорошая это история, скажу я тебе, Боря. Хэппи энда не жди. Уж очень все это не в ее духе.

– У нее ведь есть дочь? – спросил Боря. – Я как-то видел ее, она приходила на день рождения к Кире. Дочь тоже знает?

– Есть. Лера. Возможно, и знает. А может, и нет. Может, Кира просто на ленивых нервах играет. Если дочери не позвонила, значит, так и есть.

– Вы знаете телефон Леры? Дайте на всякий случай.

Боря ожидал отказа – кто он такой, чтобы беседовать с дочерью своего врача? Но Тамара молча написала на листке телефон и протянула Борису вместе с рецептом.

Поблагодарив ее, Борис вышел на улицу под мокрый снег и отправился пешком в свою каморку. Он свернул в аптеку, предъявил рецепт с печатью «По спецназначению» и личной печатью Тамары, купил свой препарат и зашагал домой. Почему-то ему вдруг невыносимо захотелось выпить. Такого не было давно.

Невыносимо.

Совсем недавно Боря где-то слышал это слово.

Дома он побродил по Интернету, включив дешевый ноутбук, который приобрел еще в начале трудового пути в должности консьержа. Борю ценили: он хорошо управлялся с электрикой, стоянкой машин, выполнял технические пожелания жильцов и следил за камерами в подъезде. У него наконец была крыша над головой, где он мог приготовить еду, помыться и уснуть в своей постели. О большем он не мечтал, о будущем не думал, в прошлое не заглядывал – жил одним днем. Тепло, еда и крыша – спасибо Кире, которая не прошла мимо, как все.

Вопрос с таблетками решен. Теперь Боря сможет обойтись без своего ангела-хранителя. Пора двигаться дальше, вспоминая с благодарностью и отпуская со смирением. Он охотно прощал ей какой-то странный роман, в который с трудом верилось, как будто речь шла о другой женщине, которую он никогда не знал. И все же что-то не давало ему покоя. В полночь Боря проглотил таблетку, запив холодным чаем, и лег спать.

Боре снилась клиника. Кира и пожилой мужчина, врач-гипнотерапевт, которого она пригласила специально для него, подвели его к удобному креслу в клинике, усадили туда, и под мерный голос мужчины он заснул во сне. Голос куда-то отправлял его, вел назад в прошлое, заставлял что-то вспомнить, и от этого было Боре нехорошо. Потом Кира прошептала: «Невыносимо. Надо это прекратить. Поэтому он такой». Мужчина шикнул на нее и снова что-то забормотал. Боря проснулся во сне в прекрасном настроении. То ли вспомнил что-то приятное, то ли забыл что-то страшное.

Снова клиника. Он лежит на койке и слышит звук из коридора, похожий на плеск воды. Кто-то шлепает по воде, подбираясь к палате. Койка соседа пуста. Дверь открывается, впуская Киру в белом халате. Она подходит ближе и проводит пальцем по горлу, от запястья к уху, медленным плавным движением. Он видит разрез на ее шее, но из него льется не кровь, а вода. Сначала из горла, а потом отовсюду, затопляя комнату, сбив Киру с ног, подбираясь к его матрасу...

Боря краем сознания понимал, что это сон, и изо всех сил старался закричать, чтобы проснуться. Когда ему это удалось и он наконец открыл глаза, мокрый от пота, он был почти уверен, что больше никогда не увидит Киру. Она не вернется в клинику, и вовсе не потому, что назло мужу начала новую жизнь в чужой стране с другим мужчиной. А потому что мертвые не возвращаются.

Послевкусие от сна растаяло только через несколько минут. Боря окончательно проснулся, выпил крепкий кофе, заев его сыром с подсыхшим хлебом. Еда и кофе привели мысли в порядок. Надо просто с ней поговорить, проверить, все ли в порядке. Зачем ему это?

Да хотя бы затем, чтобы она объяснила, что с ним делал врач-гипнотерапевт и где его найти. Что такое невыносимое случилось с ним то ли в тот день, то ли намного раньше? Почему он должен постоянно пить таблетки? Чтобы поддерживать... забвение? Вот что он сделает: позвонит ей и спросит обо всем этом.

Установив VPN, Боря нашел Киру в WhatsApp и нажал на зеленую трубку. Пошли длинные гудки. «Устанавливается соединение», – читал он. Трубку не снимали ни с VPN, ни без него. Написать сообщение? Так он и сделает. Боря старательно тыкал пальцем в клавиатуру. «Кира Марковна, доброе утро. Надеюсь, вы хорошо отдыхаете?» Подумав, он стер последнее предложение. «Извините, что беспокою в отпуске. С рецептом все ОК. Не могли бы вы дать мне телефон того гипнотерапевта? Хочу кое-что у него уточнить». Отправив сообщение, он добавил еще одно: «Хорошего вам отпуска».

Долгое время телефон молчал. Боря успел заправить кровать, принять душ и одеться для улицы, когда в трубке пискнуло. От Киры пришел ответ. «Борис, привет. Отдыхаю хорошо, спасибо. Телефон гипнотерапевта постараюсь уточнить. Если получится, сразу отправлю тебе. Пока». Сообщение сдержанное, но доброжелательное. Главное, что она вообще ответила. Значит, она жива, и его сон – просто кошмар. Раньше они мучили его постоянно, но таблетки и сеансы гипноза сделали свое дело.

С Бориной души свалился камень. Он отправился на работу. У него был сменщик – другой консьерж, пенсионер Иваныч, который в силу возраста только открывал двери, проветривал подъезд и болтал с жильцами. Боря отвечал за видеозаписи, состояние внутреннего двора, работу ворот и вывоз мусора. Когда дежурил Иваныч, он все равно приходил на полдня, проследить, чтобы все было в порядке.

На следующий день от Киры пришло сообщение.

«Боря, привет. К сожалению, телефон не нашла, извини».

Это было странно. Она не знает телефон врача, который его лечил?

Ладно. Не больно-то и нужен ему этот телефон. Главное – она жива и здорова. Может, вся эта история с любовником – ерунда. «Когда вы вернетесь?» – набрал он.

Минут через 10 она ответила:

«Не знаю. Не думала об этом. Пока».

«ОК, пока», – ответил он. И тут же пожалел: может, это не прощание, а просто она пока не думала о возвращении?

Ну вот, больше спрашивать не о чем. Никаких поводов для беспокойства ее ответы не давали. Но был сон, а снились ему в последнее время только кошмары, и все эти кошмары или уже были, или должны были случиться. Ну поехала она к морю с любовником, и что? Зачем любовнику причинять ей какой-то вред? Если она взяла с собой деньги, значит, Артур или как его там будет принимать ее подарки, а иначе зачем он все это затеял? В крайнем случае он просто вытянет все до копейки и сбежит, когда поймет, что тянуть больше нечего. Альфонсы не убивают стареющих любовниц, чаще наоборот. Судя по сообщениям, Кира вполне спокойна. Если и должна разыгаться какая-то драма, то она еще не началась. Ладно, потом он еще напишет ей. Надо только придумать предлог.

Предлог для чего?

Он не влюблен в нее, теперь не зависит от рецепта, она ему никто. Почему ему так важно снова встретиться с ней? Потому что на сеансе гипноза с ним что-то случилось. После него он помнил свою жизнь, но не всю, а за некоторыми исключениями. Какими? Откуда это «невыносимо»?

Глава 4

Марина ехала в трамвае, который еле тащился по Володарскому мосту в час пик. Из окна открывался хороший обзор на машины и их пассажиров. Можно было рассмотреть их довольно подробно. Молодые влюбленные парочки в начале романа – таких Марина насчитала три. Довольные супруги – ездили по торговым центрам, затарились на неделю и развлеклись заодно. Женщины за рулем с усталыми лицами, видимо, едут с работы. На одиноких водителей-мужчин она не смотрела. Никаких желаний, кроме как спрятаться, они не вызывали. Это началось еще в детстве: сначала буйный во хмелю отец, потом педантичный зануда отчим с садистскими наклонностями. Ее мама, добрая и бесхарактерная женщина, притягивала к себе таких мужчин как магнит. Они находили ее безошибочно, вцеплялись мертвой хваткой и вили веревки, а избавиться от них было очень трудно.

Папа пил редко, но метко, и всякий раз буянил. Он не дрался, но орал, швырялся стульями, выкрикивал какие-то претензии и потом спокойно засыпал. После очередного буйства, когда мама с маленькой Мариной укрывались от пьяного гнева у соседей или подруг, отец отыскивал их, каялся и плакался, заваливал Марину подарками, а маме пару месяцев даже помогал готовить и мыть посуду. Потом им снова овладевал дьявол. Марина с малых лет изучила все стадии буйства. Сначала подобострастие, потом короткий период ровного доброжелательного общения, затем хмурые брови, недовольная мина, придирки – и наконец взрыв долго сдерживаемого дебоширства. По-другому он не мог. Он по-своему любил их с мамой, да и мама не спешила с ним расставаться, хотя вечно жаловалась на него подругам и родным. Большинство из них дружно уговаривали маму развестись, и она, решительно нахмурившись, обещала это сделать в ближайшее время. Конечно, это были пустые слова, Марина поняла это лет в 7. Мать не то чтобы безумно любила отца – ей просто сложно было принять такое серьезное решение, как развод. Она плыла по течению в надежде, что все само собой разрешится. Да и не особенно страдала.

– Ну что ты, деточка, бывают отцы и мужья намного хуже, чем наш, – говорила она дочери. – Мы ведь все-таки семья.

Марина тоже любила отца, несмотря на его буйный нрав. В спокойном состоянии он гулял с ней, водил в зоопарк, рассказывал сказки, научил кататься на двухколесном велосипеде... Она знала, что папа ее любит, просто он... такой.

Нет сомнений, что мать прожила бы с отцом всю жизнь, если бы он не погиб в автомобильной аварии. Смерть сразу реабилитировала его в глазах матери. Она и раньше прощала ему многое, а тут папа примерно через полгода после трагической гибели сделался любовью всей ее жизни. Постепенно и Марина поверила, что ей выпало счастье иметь лучшего из отцов.

Это мнение только укрепилось, когда в доме появился отчим. Если отца Марина боялась только пьяным, отчим нагонял на нее ужас в любом виде. И если мама не боялась ругаться и спорить с отцом, хотя он и метал в нее тяжелыми предметами под горячую руку, в присутствии этого холодного и скупого на доброе слово человека как-то цепенела, хотя он ничем не швырялся и никогда не орал. Он только смотрел на нее немигающим взглядом удава. Работал отчим каким-то небольшим начальником отдела в крупной фирме. Он сразу завел в доме свои порядки, которым две женщины должны были безоговорочно подчиниться. Когда он возвращался с работы, они обе тут же замолкали. Мама, заискивающе глядя мужу в глаза, кормила его ужином, стараясь угодить. Марине при этом присутствовать не разрешалось, поэтому мама, вздыхая, кормила ее заранее, отдельно от него. Чему Марина была только рада. Она не старалась понравиться отчиму, понимая, что это бесполезно. Подруги и родня куда-то делись: ему удалось отвадить всех.

Отчим вызывал у Марины такой дискомфорт и отвращение, что она была вне себя от счастья, когда ей удалось поступить в художественное училище в Ярославле, где давали общежитие. Да и рисовала она хорошо, только по маме скучала. И переживала, что этот мерзкий холодный тип ее окончательно загрызет. Так и случилось. В 54 года у мамы случился инсульт. Марина к тому времени окончила училище. Она рисовала иконки для лавочки при церкви, расписывала магниты для холодильника и делала фенечки из кожи – кулоны, кольцо, браслеты, серьги и прочую бижутерию. Ее парень, Толянч, программист-удаленщик, помог ей освоить программу Blender, и она продавала в Интернете 3D-модели для струйных принтеров.

Об инсульте ей сообщила соседка. Марина тут же примчалась домой. Отчима как ветром сдуло. Маму наполовину парализовало – зачем ему это надо? Он вызвал скорую, выслушал диагноз, отправил жену в больницу и пропал.

– Да, – говорила соседка, тяжело вздыхая. – Не зря говорят: муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую. Видишь, Мариночка, так и есть. Надеюсь, вы с мамой его не прописали?

– При мне не было такого, а без меня – не знаю.

Соседка Ирка качала головой.

Марина на всю жизнь запомнила эти страшные дни: переход от отчаяния к надежде на то, что мама встанет, и они втроем с Толянчем заживут по-человечески. И мама действительно пошла на поправку: лицо отошло от паралича, она уже чувствовала и его, и левую руку, только в левую ногу чувствительность не вернулась. Но она уже вставала и пробовала понемногу ходить. Про отчима она не говорила, будто его и не было. Марина надеялась, что если уж случился инсульт, пусть он поможет маме забыть о существовании этого человека. Но радость Марины была недолгой: вскоре у мамы случился второй инсульт, который ее добил.

Глава 5

После похорон Марина обосновалась в доме. Отчим после похорон куда-то сгинул. Он постоял на кладбище с подобающим выражением лица, старательно натягивая на него скорбь, но на поминки не остался. Марина надеялась, что у него хватит совести уйти окончательно и бесповоротно, но надежда была слабой. Уж очень лакомым кусочком была их квартира. Марина постаралась изжить все следы его присутствия: из обстановки исчезла тяжеловесная добротность, настенные ковры были свернуты в рулоны и засунуты в чулан. Она бы вынесла их во двор или продала, но побоялась, что он явится за совместно нажитым и устроит скандал. Соседка Ирка была с ней согласна. Она и наслушалась, и насмотрелась на семейную жизнь Мариной мамы.

– Идут из магазина – сумки несет мама твоя, – говорила она Марине за вечерним чаем. – На улице к ней подойдешь поздороваться, спросить, как дела, – он как прикрикнет: «Катя!». Она и не задерживается, безропотно топает за ним. А со мной – так и не поняла, здоровался он или нет. Я ему «привет!», а он сначала так долго смотрит на ходу, будто думает, отвечать или нет. Или понять не может, кто это там пискнул. А потом какой-то звук издаст или слегка головой дернет – вот и думай, ответил он или типа кашлянул. Ну и я с ним здороваться перестала, иду себе как мимо пустого места.

– А как с другими соседями? – спросила Марина. – Кто-нибудь с ним дружбу водил?

Ирка ответила не задумываясь:

– Да никто его не любил. Может, кто и здоровался, не знаю. Неприятный тип, и маме твоей жизнь уж точно сократил. Сто процентов. Папа твой, хоть и буянил, но хоть на человека похож. А этот – чистый вампир, бледный и холодный. Кровосос. Сходи к паспортистке, проверь, не прописан ли он.

Но Марина и до паспортистки поняла, что так и есть: в квитанции по квартплате значилось два человека. Визит к паспортистке подозрения подтвердил. Мама прописала свое сокровище за месяц до инсульта.

– Пришли вдвоем, она написала заявление. Вот, посмотрите. «Прошу прописать моего мужа Свентицкого... ну и так далее... Число такое-то». Он ведь муж, имеет право. Сейчас живет с вами?

Марина покачала головой.

– Как мама заболела, исчез и не появлялся.

Паспортистка усмехнулась.

– Объявится, не сомневайтесь. Не та у вас квартира, чтобы исчезать.

И посмотрела с сочувствием.

Квартира и правда была не та. Старый фонд на Фурштадтской, трехкомнатная огромная квартира сегодня могла стоить больше 100 миллионов. В ней жили несколько поколений предков отца, а матери она досталась после его ухода. Марина так привыкла к квартире, в которой выросла, что никогда не думала о ней как об активе и соблазне для хищников, крупных и мелких. Отчим был мелким, но опасным – у него были права. Марина сменила замки. Она не собиралась жить с ним под одной крышей.

Марина знала, что может жить где угодно, пока ее продукцию покупают, и не была привязана к месту. Но после долгого периода общаги и съемных квартир жить дома ей понравилось. Все-таки ее работа требовала пространства, и одну комнату она оборудовала под мастерскую. Это было удивительно удобно. И почему она так долго не возвращалась?

Глава 6

Через пару месяцев после похорон Свентицкий, как ни в чем не бывало, пришел с визитом. Он позвонил заранее и сказал, что заберет несколько своих вещей. Марина ответила «Пожалуйста».

До похорон они виделись последний раз пару лет назад, когда Марина приезжала в Питер навестить маму. Она не стала останавливаться дома, чтобы не создавать маме сложностей и не видеть бледную рожу Игореша. Сняла комнату на Васильевском, и, когда Игореша был на работе, они с мамой проводили время вместе. Марина не взяла с собой Толяныча, с которым к тому времени жила уже несколько лет. Толяныч Марину любил, но к браку так и не склонил.

– Роман с художницей и брак с художницей – совсем разные вещи, – смеясь, говорила она Толянычу. – Ну какая из меня жена?

Толяныч фыркал.

– Прекрасная жена. Одни твои пирожки чего стоят. Заполняй пустоту в моем желудке и моем сердце, больше от тебя ничего не требуется. Не понимаю, почему бы нам не съехаться навеки? Материальную сторону я бы полностью взял на себя... Ну чем я нехорош, скажи?

– Я подумаю, – обещала Марина.

И правда думала. Но потом возникали какие-нибудь обстоятельства, и брак снова откладывался.

Пожив в маминой квартире, Марина всерьез призадумалась о браке с Толянычем. Постоянное жилье – не съемное, к тому же это ее собственность, почва под ногами. Не придется брать ипотеку, пусть и льготную, детям будет где расти и учиться. И еще она боялась отчима, хотя и старалась не подавать виду. Остаться с ним под одной крышей – бррррр, сама мысль об этом вызывала дрожь. Она не сомневалась, что рано или поздно он объявится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.